

ТРЕТЬЯ ЛУНА

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко

Третья Луна

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Третья Луна / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Наследник архива своего деда-астронома находит фотопластину с необъяснимым объектом — третьим спутником Земли, который появляется раз в полвека. Разбирая дневники, он узнаёт о коллеге деда, исчезнувшем во время прошлого наблюдения, и отправляется в заброшенную горную обсерваторию, чтобы увидеть Третью Луну своими глазами. Но что если она не просто небесное тело, а дверь между слоями реальности?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Егор Конюшенко

Третья Луна

Пыль в кабинете покойного деда пахла иначе, чем где бы то ни было, — не просто запустением и старой бумагой, а чем-то глубинным, почти минеральным, как нагретый солнцем гранит на закате. Алексей Зимин замер на пороге, не решаясь включить верхний свет, и позволил глазам привыкнуть к косым лучам, пробивавшимся сквозь неплотно задёрнутые шторы. Солнце высвечивало в воздухе медленную позёмку пылинок, и они кружили над массивным письменным столом, накрывая его призрачной скатертью.

Он снял пиджак и повесил на спинку стула, который когда-то называл «троном деда». Николай Ильич и правда восседал здесь по вечерам, склонившись над приборами или исчерканными черновиками, и мальчику Лёше позволялось только стоять у двери, пока академик не снимет очки и не подзовёт его коротким движением пальцев. Теперь кабинет принадлежал тишине, и Алексей чувствовал себя почти самозванцем.

Он начал с верхнего ящика стола, того самого, где дед хранил перевязанные бечёвкой пачки писем, старые удостоверения и потёртые футляры с инструментами, назначения которых Алексей не знал. Каждый предмет он выкладывал на столешницу медленно, словно археолог, расчищающий культурный слой. Медная лупа с треснувшей рукоятью. Коробочка с засохшими чернилами. Фотография обсерватории, залитая солнцем так, что лица людей казались белёсыми пятнами. Пальцы у него были осторожными, дыхание — ровным, но внутри зрело смутное предчувствие, что кабинет не просто хранит память, а до сих пор что-то удерживает в своих недрах.

Коробка обнаружилась в нижнем отделении, задвинутая глубоко под стопку старых астрономических ежегодников. Простой фанерный ящик с выцветшей наклейкой, которую Алексей сначала принял за инвентарный номер. Он вытащил его на свет, провёл ладонью по крышке и почувствовал, как внутри что-то сместилось — не покатилося, а именно сместилось, глухо, тяжело, словно задетый невзначай маятник.

Крышка поддалась с сухим скрипом. Внутри, переложённые пожелтевшей калькой, лежали стеклянные фотопластины. Алексей знал эту технологию скорее по книгам — дед в молодости работал с астрографами на стекле, прежде чем мир перешёл на плёнку и цифру. Он взял верхнюю пластину бережно, как берут бабочку за крылья, и поднёс к окну.

На стекле застыло ночное небо. Алексей сразу узнал созвездия — Орион, Телец, россыпь Плеяд, всё чёткое, резкое, без малейшего смазывания, — и тут же отметил про себя, что снимок делал человек с железной рукой и фанатичным терпением. Он уже собирался вернуть пластину в коробку, когда его взгляд зацепился за край кадра. Над тёмной кромкой горного хребта, чуть левее центра, висели две луны — и обе в фазе полной, крупные, с хорошо различимым рельефом кратеров. Алексей нахмурился, провёл большим пальцем по стеклу, словно пытаясь стереть несуществующий дефект, но луны не исчезали. Второе светило было чуть меньше, бледнее, его края казались размытыми, будто само пространство вокруг него колебалось, не в силах удержать чёткую границу.

И только тогда он заметил третью.

Тонкий серп, почти призрачный, проступал на самом краю пластины — не сразу, а по мере того, как глаз привыкал к полутонам. Он напоминал не столько небесное тело, сколько негативное пространство, прорезь в самой ткани ночи, сквозь которую сочился слабый, болезненный свет. Алексей задержал дыхание и перевернул пластину. На обратной стороне, в левом нижнем углу, тушью была сделана надпись — размашистая, с характерным наклоном дедова почерка, но какая-то слишком торопливая, почти сорванная:

«Третья Луна».

Больше ничего. Ни даты, ни координат, ни имени наблюдателя. Только два слова, которые жгли пальцы даже сквозь холод стекла. За окном начало смеркаться, и в этот самый миг, когда сумерки тронули углы комнаты, в глубине коридора, ведущего от кабинета в жилую часть дома, что-то едва слышно скрипнуло — не разошедшаяся половица, не ставня, а что-то иное, чему Алексей пока не мог подобрать названия.

Скрип в коридоре оборвал тишину и повис в воздухе, точно задетый колокольчик, — один чистый звук, за которым не последовало ничего. Алексей замер, прижимая фотопластину к груди, и прислушался. Дом отвечал ему привычным дыханием старого дерева: где-то на кухне мерно капала вода из неплотно закрученного крана, под полом шуршала мышь, а ветер с залива ворошил ставню на втором этаже. Ничего необычного — только эхо его собственного, чересчур разыгравшегося воображения. Он выдохнул, положил пластину на стол и, помедлив, всё же выглянул в коридор. Пусто. Тусклая лампочка под потолком освещала вереницу дверей и пыльный ковёр, на котором отчётливо отпечатались его собственные следы, ведущие в кабинет, — и только его.

Вернувшись к столу, Алексей включил настольную лампу. Медный абажур, прогреваясь, начал источать слабый запах нагретой пыли, и в этом запахе было что-то успокаивающе-земное, возвращавшее мыслям трезвость. «Третья Луна», — повторил он одними губами, пробуя слова на вкус. Дед никогда не заговаривал с ним о своей работе — точнее, заговаривал, но всегда уклончиво, обволакивая фразы туманом общих слов, за которым не угадывалось ни конкретных дат, ни имён, ни событий. Теперь Алексей понимал, что за этим туманом скрывалось не просто старческое желание оставить прошлое в прошлом, а нечто иное — стена, возведённая сознательно.

Он подошёл к книжному шкафу, занимавшему всю стену от пола до потолка. За стеклянными дверцами теснились тома в кожаных переплётах, справочники, атласы звёздного неба и — в самом нижнем ряду, куда не падал свет лампы, — стопка потрёпанных тетрадей в коленкорových обложках.

Алексей опустил на корточки и вытянул верхнюю. Корешок хрустнул, страницы пахли сладковатой бумажной старостью. Это был дневник за 1934 год — даты, погодные заметки, координаты звёзд, температура воздуха, влажность. Почерк деда, ещё молодой, более угловатый, чем тот, что Алексей привык видеть на поздравительных открытках, заполнял страницы плотными рядами, но обрывался на середине апреля.

Дальше — глухой пропуск, несколько вырванных листов, чьи оборванные края топорщились из корешка, и снова записи, но уже иные: торопливые, без привычной педантичности, почти без цифр, одними словами.

«Наблюдение подтверждено. В.П. фиксирует смещение. 23:40 — появление. 02:15 — исчезновение. Хронометраж требует уточнения».

Ниже — отдельная строка, подчёркнутая дважды, с таким нажимом, что перо прорвало бумагу:

«Не смотреть прямо».

Алексей перевернул страницу. Там, поперёк разлинованных клеток, тянулись ряды цифр и букв, не поддававшихся чтению. Поначалу он принял их за какой-то личный код — возможно, стенографию, которой дед, как многие учёные его поколения, владел в совершенстве. Но потом заметил закономерность: смещение алфавита на три символа. Простейший шифр Цезаря, детская игра в секреты. Дед намеренно оставил ключ на поверхности — словно ждал, что кто-то когда-нибудь до него доберётся.

Следующие два часа Алексей просидел, склонившись над тетрадями, выписывая расшифровки на полях старых газет. Из-под верхнего слоя безобидных астрономических записей проступала совсем другая история. В 1935 году Николай Зимин и его коллега Виктор Павлович Гросс работали в секретной обсерватории, зашифрованной под безликим названием «Объект

М», расположенной высоко в горах, вдали от крупных городов. Они изучали аномалию, которую в дневниках называли «Третьим компонентом» или просто «Она». Аномалия появлялась нерегулярно, не оставляла следов на спектрографах и — судя по отрывочным комментариям деда — воздействовала на наблюдателей, вызывая слуховые галлюцинации и состояние, которое он описывал как «выпадение из времени».

Имя Гросса впервые возникло на полях октябрьской тетради — сперва в обычных рабочих контекстах: «Г. проверил расчёты», «Г. заснял три кадра». Но чем дальше листал Алексей страницы, тем тревожнее становились записи. «Г. утверждает, что Она говорит с ним». «Г. отказывается покидать пост». «Г. не спал четверо суток, зрачки расширены, на вопросы отвечает с задержкой».

Последняя запись о Гроссе была сделана дрожащей рукой, буквы прыгали, перо цеплялось за бумагу:

«В.П. вышел из павильона в 03:04. На мой окрик не обернулся. Туман поглотил его за две секунды. Я не видел, куда он ушёл. Я видел только Её. Она была в полной фазе».

Алексей откинулся на спинку стула и потёр воспалённые глаза. За окном окончательно стемнело, лампа выхватывала из мрака только его руки, разбросанные по столу тетради и стеклянную пластину, на которой по-прежнему мерцал призрачный серп. Он взял телефон и позвонил Марине.

— Ты ещё не спишь? — спросил он вместо приветствия.

— Вообще-то собиралась, — отозвалась она с лёгкой усмешкой в голосе. — Но, судя по твоему тону, я уже не усну.

— Я в дедовом кабинете. Тут такое... — он осёкся, подбирая слова. — Ты веришь, что человек может пропасть, потому что посмотрел не туда, куда следовало?

В трубке повисла пауза. Марина молчала недолго, но достаточно, чтобы Алексей услышал в этой паузе её способность воспринимать всерьёз даже самые безумные вопросы.

— Рассказывай, — сказала она наконец, и это было не требование, а разрешение.

Алексей пересказал ей находки — пластину, дневники, шифр, историю Гросса, ночь в горах, туман, поглотивший человека за две секунды. Марина слушала молча, лишь однажды перебила коротким «подожди», когда на заднем плане зашумел электрический чайник. Потом, когда он закончил, спросила:

— А куда он делся — Гросс? Никаких следов?

— Никаких. Дед больше ни разу не упоминает его по имени.

— То есть твой дед работал с человеком, который смотрел на эту твою Луну и исчез. И дед после этого молчал всю жизнь. А теперь ты сидишь один в его кабинете и читаешь то, что он, видимо, никому не хотел показывать.

— Примерно так.

— Знаешь что, Лёш, — голос её стал собранным, почти резким, — не делай ничего, пока я не приеду. Я хочу увидеть эти тетради сама.

Она положила трубку прежде, чем он успел возразить. Алексей остался сидеть в круге света, глядя на страницу, где его дед дважды подчеркнул слова «Не смотреть прямо». За окном, в просвете между облаками, показалась обыкновенная, старая, всем знакомая луна — одна-единственная. Но теперь Алексей не мог смотреть на неё без того, чтобы не искать в её бледном диске признаки чужих, незваных очертаний. И когда ему показалось, что справа от неё, на самой границе поля зрения, проступила тонкая, почти неразличимая дуга, он одёрнул штору и отвернулся.

Ночь он провёл без сна, прокручивая в голове обрывки дедовых записей, а едва за окнами начало сереть, снова принялся за бумаги. Старый адрес Гросса отыскался в телефонном справочнике за 1937 год, который Алексей обнаружил среди пожелтевших папок на самом дне ящика. Марина приехала рано, ещё до того, как солнце успело растопить серую пелену облаков

над заливом, и они вдвоём склонились над рассыпающейся страницей, где между булочником Григорьевым и инженером Гусевым значился: «Гросс В.П., Коломенская ул., д. 14, кв. 7». Марина провела пальцем по строчке, и от прикосновения бумажка едва не рассыпалась.

— Этого дома может уже не быть, — сказала она тихо, но Алексей уже накидывал куртку.

Коломенская улица уцелела, хотя и выглядела так, будто город забыл о её существовании. Дома здесь стояли приземистые, с облупившейся штукатуркой и тёмными подворотнями, в которых пахло сырым кирпичом и кошками. Номер четырнадцать оказался двухэтажным флигелем, втиснутым между глухой стеной склада и покосившимся забором. Окна первого этажа были заколочены досками, но на втором этаже одно стекло уцелело и смотрело на улицу мутным, слезящимся глазом.

— Прямо как в учебнике по готическому роману, — заметила Марина, но без усмешки, а скорее с тем особым спокойствием, которое появляется у человека перед прыжком в холодную воду.

Дверь подъезда поддалась не сразу — дерево разбухло, и Алексею пришлось навалиться плечом. Внутри пахло не пылью, как он ожидал, а почему-то сухим мхом и ещё чем-то металлическим, почти больничным. Лестница скрипела под каждым шагом, перила качались, и Марина, поднимаясь следом, держалась за стену. Квартира номер семь находилась в конце тёмного коридора, где единственная лампочка под потолком висела на скрученных проводах и не горела — то ли перегорела, то ли её никто не включал десятилетиями.

Дверь в квартиру Гросса была приоткрыта. Не взломана — именно приоткрыта, на ширину ладони, словно кто-то вышел на минуту и не вернулся. Алексей толкнул её, и петли издали звук, похожий на вдох.

Квартира оказалась небольшой: прихожая, комната, совмещённая с кабинетом, и узкая кухня за аркой. Мебель стояла на своих местах, накрытая плотным слоем пыли, но в воздухе не чувствовалось той затхлости, какая бывает в давно заброшенных жилищах. Напротив, здесь царила странная сухость — книги на полках не покособились, обои не отклеились, даже чернильница на письменном столе сохранила на донышке тёмный осадок.

— Тут кто-то бывает, — прошептала Марина, и Алексей кивнул, хотя никаких следов, кроме их собственных, на полу не было.

Они разделились молча, без уговора: Марина двинулась к книжным стеллажам, Алексей — к столу. Книги на полках были сплошь научными — оптика, небесная механика, спектральный анализ, — но попадались и странные тома: труды по физиологии зрения, руководства по гипнозу, потрёпанный французский трактат о природе иллюзий. Марина снимала их один за другим, пролистывала, ставила на место, и по её лицу Алексей видел, что она не столько читает, сколько впитывает невидимый контекст, собирает мозаику по едва уловимым признакам.

Стол Гросса был завален бумагами. Не хаотично — скорее застывшие, как поверхность воды, которую никто не тревожил много лет, но которая сохранила форму последней волны. Алексей осторожно перебирал листы: чертежи телескопических зеркал, колонки цифр, какие-то графики с пиками, приходящимися на одни и те же даты с промежутком примерно в пятьдесят лет. Почерк был незнакомый — мелкий, с наклоном влево, почти лишённый прописных букв, словно писавший экономил каждое движение руки. И всё же в нём читалась не болезненная скрупулёзность, а скорее сосредоточенность человека, который боится упустить мысль.

— Лёша, — позвала Марина.

Он обернулся. Она стояла у подоконника и держала в руках тетрадь в чёрном коленкоровом переплёте, точно такую же, как дедовы дневники, только тоньше. Тетрадь была раскрыта посередине, и Марина, не отрываясь, смотрела на страницу.

— Ты только послушай, — сказала она и начала читать вслух. Голос её звучал ровно, но в нём появилась та особая интонация, с какой читают тексты, значение которых до конца не понимаешь, но кожей чувствуешь их вес.

«Явление не является небесным телом в общепринятом смысле. Спектральный анализ не даёт результатов, отражённого света не фиксируется. Она не отражает, она поглощает. Моя гипотеза: Третья Луна — не объект, а проекция. Окно. Или, точнее, дверь, открывающаяся только при определённом взаимном расположении наблюдателя, двух известных лун и того, что лежит за границей нашего слоя. Слой — термин приблизительный, но другого у меня нет. Реальность многослойна, и между слоями существуют мембраны. Она — разрыв в мембране. Цикличность появления указывает на то, что разрыв не хаотичен, а подчинён ритму, природа которого мне не ясна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.